

УРАВНИТЕЛЬНЫЕ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ ВО ФРАНЦУЗСКИХ ТАЙНЫХ ОБЩЕСТВАХ 1830 — 1834 ГОДОВ

Акад. В. Волгин

I

Промышленный переворот, предпосылки которого были налицо во Франции уже в конце XVIII в., проходил здесь значительно более медленными темпами, чем в Англии.

Французская буржуазная революция, сокрушив феодально-абсолютистский порядок, открыла широкие возможности для капиталистического развития страны. Но та же революция создала во Франции весьма мощный слой мелких собственников-крестьян. В то время как в Англии обезземеление крестьянства «освободило» рабочие руки для развивающейся фабрично-заводской промышленности, во Франции крестьянин в начале XIX в. ещё прочно сидел на своём участке земли. Французский кустарь, работавший на скупщика, цепко державшийся за землю, не так легко поддавался экспроприации, не так легко превращался в фабричного пролетария. Поэтому во Франции система «домашней» промышленности оказалась более стойкой. С другой стороны, во многих районах издавна развивались отрасли промышленности, с большим трудом поддающиеся машинизации, чем хлопчатобумажное производство или металлургия. В этих отраслях (например в производстве предметов роскоши) мелкое производство могло ещё долго оставаться господствующей формой. Наконец, развитие крупной машинной индустрии задерживалось и тем фактом, что Англия опередила в этом отношении Францию, что она вступила на путь создания крупной капиталистической промышленности раньше, лучше обеспеченной сырьём, капиталами и рынками сбыта. Французской промышленности приходилось в ряде случаев пробивать себе дорогу, преодолевая конкуренцию английской, успевшей уже переоборудоваться и захватить рынки. Особенно болезненно чувствовала французская промышленность громадное превосходство Англии в области машиностроения. Большую часть машин приходилось выписывать из Англии, что чрезвычайно удорожало переоборудование.

Несмотря на замедляющие промышленный переворот моменты, ко времени июльской революции 1830 г. французская крупная промышленность, несомненно, достигла значительных успехов. Однако эти успехи не должны скрывать от нас того факта, что в эпоху июльской монархии наряду с передовыми предприятиями с машинным производством, с большим количеством наёмных рабочих, занятых в фабрично-заводских помещениях, мы имеем ещё во Франции массу мануфактур старого типа, раздающих сырьё или полуфабрикаты для отдельных операций тяготеющим к ним кустарям. В ряде отраслей производства сохраняется и мелкое предприятие ремесленного типа, работающее в подавляющем большинстве случаев на торговый капитал и им безжалостно эксплуатируемое. К середине XIX в. во Франции насчитывалось 124 тыс. крупных и средних предприятий (среднее число рабочих — 10)

и 1548 тыс. мелких (среднее число рабочих — 2). В частности мелкое производство господствовало в Париже, где было 7 тыс. предприятий с числом рабочих выше 10 и 32 тыс. предприятий с 1—2 рабочими. Даже в департаменте Севера, где концентрация производства достигла наибольших успехов, было лишь 12 предприятий с числом рабочих более 400.

Таким образом, фабрично-заводский пролетариат, занятый в крупной машинной индустрии, составлял в рассматриваемый период меньшинство в общей массе французских рабочих. В этой массе был ещё очень велик удельный вес таких групп, как рабочие мелких мастерских, ремесленные подмастерья, кустари. Индустриальный пролетариат, состоявший в громадном проценте из недавних выходцев из деревни, далеко ещё не стоял на первом месте в рядах французского рабочего класса по своей сознательности и активности. Значительная часть индустриальных рабочих не умела даже читать. Ремесленные рабочие, обычно исконные горожане, имели гораздо больше традиций и навыков борьбы. Но, с другой стороны, мы можем отметить в их социальных настроениях черты консервативные или реакционные, связывающие их со старым, отживающим способом производства, делающие их неспособными к усвоению последовательной пролетарской идеологии.

Пестрота состава французского рабочего класса в эту эпоху, пестрота частных интересов и временных настроений отдельных его групп, низкий уровень сознания интересов общеклассовых — всё это не могло не наложить своего отпечатка на развитие французской социалистической мысли. Если принять к тому же во внимание то обстоятельство, что идеологическими выразителями всех этих оттенков в социальных настроениях являлись выходцы из других, непролетарских общественных слоёв, нам станет вполне понятно исключительное разнообразие социалистических систем, возникающих во Франции в изучаемое нами время.

Положение рабочего класса во Франции, как и в других странах на соответственном этапе промышленной революции, было весьма тяжёлым. Рабочие подвергались самой жестокой эксплуатации как в тех отраслях производства, которые ещё оставались на стадии мануфактуры, так и в новой, фабрично-заводской индустрии. Формально рабочий день в мануфактуре в общем был короче, однако следует иметь в виду, что здесь рабочий обычно дополнительно работал надому, где рабочее время было ограничено лишь физическим истощением. Детский и женский труд широко применялся в домашней промышленности, из неё он перешёл в мануфактуру, а затем и на фабрику. В среднем рабочий день составлял 14—15 часов с часовым или двухчасовым перерывом.

В текстильной промышленности заработная плата взрослого мужчины составляла в среднем 2 франка, женщины — 1 франк, детей старше 12 лет — 75 сантимов, моложе 12 лет — 45 сантимов. Но это средние цифры. В отдельных пунктах заработная плата бывала значительно ниже и опускалась до франка и даже до 75 сантимов для взрослого. Известный исследователь положения рабочего класса во Франции, Бюре, утверждает, что зачастую 15—16-часовой рабочий день не давал возможности рабочему выработать больше одного франка. Кризис 1827 г., поразивший сильнее всего текстильную промышленность, вызвал большое и резкое падение заработной платы (в два, три и пять раз), которая затем в течение ряда лет оставалась на этом пониженном уровне. В металлургии заработная плата была несколько выше и даже постепенно возрастала (3—5 фр.). Снижению заработной платы в текстильной промышленности способствовали английская конкуренция и массовый приток рабочих из деревни. Естественно, что при таких за-

работках безработица, даже временная, обрекала рабочих на полную нищету. Их существование могло в такие периоды поддерживаться только частной или общественной благотворительностью. Между тем число безработных, особенно во времена кризисов, было очень велико. По словам Прудона, в декабре 1839 г. в Париже насчитывалось 150 тыс. человек, не имевших заработка. В марте 1831 г. толпы безработных собрались у Пале-Рояля и требовали «работы или хлеба».

Стачечное движение — неизбежный спутник капиталистического производства. В первые годы рассматриваемого периода — в начале 30-х годов — рабочее движение Франции носит ещё на себе черты, характерные для времени перехода от мануфактуры и ремесла к фабричной, машинной индустрии. Рабочие восстают против внедряемых в производство машин. В 1830 г. типографщики Парижа разбили в ряде типографий механические печатные станки, забастовали и отказались возвратиться на работу в те типографии, где применялись механические станки, несмотря на чрезвычайно тяжёлое материальное положение. Подобные факты имели место во многих промышленных центрах Франции. В 1831 г. рабочие разрушили машины в Тулузе, в Сент-Этьене, в Бордо. В движении против машин принимали иногда участие также мелкие ремесленники, требовавшие у властей запрещения «механического производства», лишаящего их средств существования.

Забастовки были воспрещены французским законодательством. Статья 415 Уголовного кодекса карала тюремным заключением всякое соглашение рабочих, имеющее целью одновременное прекращение работы. Тем не менее забастовки в 1830—1840 гг. были весьма часты. В 1832—1833 гг. две волны забастовок прошли по парижским предприятиям, причём вторая волна охватила почти всю парижскую промышленность. В те же годы бастовали шахтёры в Анзене, рабочие керамической промышленности в Лиможе и т. д.

Забастовки в подавляющем большинстве случаев имели узко экономические цели: повышение заработной платы, уменьшение рабочего дня, улучшение условий труда в данном предприятии. Но в этой стачечной борьбе росли организационные навыки, росло классовое самосознание пролетариата. Особенное значение в этом процессе имело лионское восстание рабочих 1831 года. Несмотря на идейную и организационную беспомощность, проявленную лионскими рабочими, лионское восстание 1831 г. произвело огромное впечатление. Это было первое восстание, в котором рабочий класс выступил как самостоятельная социальная сила. Это было восстание, открывавшее новую главу мировой истории. Против потрясённой буржуазии впервые поднялся её грядущий могильщик. Не располагая ещё ни прочной организацией, ни ясным представлением о своих конечных целях, рабочий класс оказался в силах овладеть, хотя и на короткое время, одним из крупнейших промышленных центров Франции. Тревога, охватившая буржуазию при вести о победе лионских рабочих, вполне понятна «Собственность была поставлена под угрозу в самом своём принципе», — писала французская палата депутатов в своём адресе королю по поводу восстания. А с другой стороны, понятен и тот отклик, какой должно было найти лионское восстание в умах и сердцах французских рабочих и тех немногочисленных писателей, которые были в состоянии проникнуться их интересами.

Отсутствие ясной политической программы у лионских рабочих было результатом недостаточного развития их классового сознания, оно не имело ничего общего с сознательным, теоретически обоснованным аполитизмом утопических школ. Реальная классовая борьба и её уроки неизбежно толкали пролетариат, вопреки советам утопистов,

к активному участию в политической жизни страны, к использованию для защиты его классовых интересов политических средств.

Французские рабочие имели уже большой опыт в политических боях, начиная с великой буржуазной революции конца XVIII в. и кончая июльской революцией 1830 года. Но в этих боях их революционная энергия была использована в интересах поднимающейся к власти буржуазии. Революция 1830 г., произведённая главным образом руками парижских рабочих, привела лишь к установлению господства буржуазной олигархии в самой откровенной форме. Политическая власть перешла в руки высшего слоя буржуазии, политические права получили 188 тыс. крупнейших плательщиков налога при 30 млн. населения. Этот исход революции не мог не способствовать росту политического сознания у передовых представителей рабочего класса. Тем не менее при отмеченной нами выше пестроте состава и при слабой организованности пролетариата даже наиболее сознательные рабочие оказываются не в состоянии подняться в этот период до идеи самостоятельной классовой рабочей партии.

Поскольку рабочие проявляют политическую активность, мы видим их в рядах республиканских политических организаций, мелкобуржуазных и интеллигентских по основному своему составу и по своим социальным настроениям. Конечно, попадая в такое идеологическое окружение, рабочие, не выработавшие ещё чёткой классовой пролетарской идеологии, неизбежно подпадали под влияние мелкобуржуазных идей. Но, с другой стороны, наличие рабочих в составе республиканских обществ не могло не отражаться на их программах и декларациях. Наряду с требованиями демократических свобод, всеобщего избирательного права мы находим в них требования, имеющие социальный характер.

II

Уже первое республиканское общество, возникшее после революции 1830 г., — Друзья народа, — имело в своём составе немало молодых парижских рабочих.

Официальная программа Друзей народа, сформулированная в манифесте Общества (1830), очень умеренна. Она целиком стоит на почве принципа частной собственности. Правда, манифест заявляет, что Общество считает своей специальной целью защиту интересов низших классов, что оно стремится к улучшению их «физического и морального положения». Однако авторы манифеста считают необходимым тут же подчеркнуть, что они отнюдь не являются безумными утопистами и мятежными мечтателями, что они сторонники не только равенства, но и порядка. Общество, заявляют они, взывает к интересам всех трудящихся классов. Защищая дело труда, оно не стремится к разрушению собственности. Его цель — добиться более свободного развития торговли и промышленности, сокрушив общего врага — аристократию и привилегии¹.

Понимая необходимость обеспечить республиканской партии поддержку рабочих, Общество стремилось создать секции в рабочей среде (секции портных, секции каменщиков и т. п.) по преимуществу с пропагандистскими целями. Социальные настроения в этих секциях, естественно, были более радикальны, чем официальная программа Общества. Радикальные настроения нашли своё отражение и в некоторых документах Общества и в выступлениях отдельных его членов — не социалистических, но всё же выражающих отрицательное отношение к ка-

¹ Manifeste de la Société des Amies du Peuple. 1830, p. 17, 25, 27.

питалистическому порядку. В брошюрах и листовках, выпущенных Обществом, имеются выпады против эгоизма буржуазии, против эксплуатации рабочих, даже против машин, отнимающих у рабочих хлеб.

Весьма ярким образцом подобного рода литературы является анонимная брошюра «Au peuple». Этот документ интересен прежде всего тем, как он определяет социальную базу Общества друзей народа. Мы обращаемся, говорится в брошюре, не к тем, кто жиреет за счёт слёз и пота бедняков: души этих людей заражены эгоизмом и гордостью, опыт учит, что призывы к ним — напрасный труд. Наоборот, мы обращаемся только к вам, трудолюбивые люди всех профессий; к вам, без которых у высшего круга не было бы даже хлеба; к вам, ремесленники и крестьяне, с мозолистыми руками, составляющие $11/12$ населения; к вам, кто трудится, производит и страдает для того, чтобы небольшое число бездельников потребляло и наслаждалось.

Со времени Директории, продолжает автор брошюры, руководство и организация Общества имели своей единственной целью увековечить в его недрах существование двух рас, двух больших социальных категорий: одной, состоящей из нескольких тысяч или сотен тысяч индивидов, которым законы и форма правления гарантируют почти исключительное обладание землёй и национальными богатствами без какого-либо с их стороны обязательства трудиться, без условия выполнения полезной функции; и другой категории, состоящей из остальной нации, т. е. от 20 до 25 миллионов человек, отданных бедствиям и отстранённых от политической жизни. На одной стороне мы имеем радости изобилия, преимущества цивилизации и привилегии праздности; на другой — ужасы нищеты, бедствия невежества, самый тяжкий труд в сочетании с самыми ужасными лишениями. Люди, заинтересованные в сохранении этого порядка, всяческими способами старались в течение последних тридцати лет внушить общественному мнению ложные идеи относительно порядка правления.

Республике (имеются в виду 1792—1794 гг.) приходилось преодолевать невероятные трудности, чтобы выполнить свою миссию возрождения. Её враги вероломно использовали это несчастье обстоятельство. Состоятельные и богатые классы убеждали бедных и невежественных в том, что от такого правления невозможно ждать каких-либо улучшений. Политическая борьба, которая велась в течение пятнадцати лет реставрации, как показывает опыт, должна была, по мнению многих её участников, лишь увеличить число счастливых на несколько тысяч семейств; судьба масс должна была остаться прежней. Между тем рабочие, эти героические пролетарии, показали свою доблесть в бою, умеренность и честность после победы (т. е. после июльских дней 1830 г.).

Пора показать народу в истинном свете свободу, которую ему «жалуют», просветить его о его истинном положении, о его интересах, научить его, как он может завоевать и сохранить свои права. До настоящего времени положение было таково, что категория привилегированных всё время увеличивала своё влияние, своё просвещение и своё богатство. А вторая категория оставалась попрежнему в рабстве и невежестве. Блага образования увеличивали моральное преобладание привилегированных над народом. Милости и доходы, связанные со службой деспотизму, были неиссякаемым источником богатств для привилегированных. Доходы от индустрии, торговли, ремёсел были в руках тех же людей. Ибо владелец земли и орудий труда, привилегированный, не давая никакой компенсации, получает в свою пользу наибольшую часть дохода от всего производства. Народ трудится, чтобы добыть себе то, что необходимо для сохранения его существо-

вания. Он трудится, чтобы обеспечить роскошь и безделье тех классов, которые его угнетают¹.

Ту же мысль о двух социальных категориях — одной, пользующейся монополией наслаждений, и второй, имеющей монополию горестей, — развивал один из авторитетных деятелей общества, Распайль, в своей речи на «процессе 15-ти» в 1832 году. Народ, говорил Распайль, предназначен для материального благосостояния: природа не присудила никого к смерти от нищеты. Ресурсы Франции, правильно эксплуатируемые, достаточны для удовлетворения потребностей и даже прихотей вдвое большего населения. А сейчас две трети её населения умирают от голода, в то время как привилегированные, ничего не производя, получают наибольшую долю производящегося².

Констатируя наличие антагонизма интересов в современном ему обществе, Распайль, повидимому, под влиянием Фурье, видит задачу в том, чтобы найти закон общественной гармонии, способ «объединения» интересов. Но его практические предложения умеренны. Он провозглашает право на труд и защищает идею регламентации минимума заработной платы; установление этого минимума он предлагает поручить жюри, составленному из предпринимателей и рабочих. Он сторонник прогрессивного налога на излишки и отмены косвенных налогов. Он рекомендует организацию сельскохозяйственных ассоциаций. Он мечтает о том, что государство и коммуна возьмут на себя функции «банкиров» в отношении трудящихся и их ассоциаций. Социалистические тенденции, в смысле тенденций к отмене частной собственности и к обществу средств производства, ему чужды.

Заслуживает быть особо отмеченным одно предложение Распайля, возникшее у него, повидимому, под влиянием сенсимонизма и развитое более детально Пеккером. Распайль требует установления такого порядка, при котором все должности замещались бы по конкурсу, согласно решению специальных жюри; с этим связана у Распайля идея планового «распределения труда». Правительство должно, по его мнению, обладать статистическими данными о способностях и профессиях, определять число работников каждой профессии в соответствии с потребностями и ресурсами государства, методически распределять функции. Общественный организм должен работать регулярно, как организм индивида. Последовательное применение этих принципов по всем отраслям труда (как это имеет место у Пеккера), конечно, невозможно в условиях буржуазного строя. Но Распайль не делает из них революционных выводов³.

Значительно резче, чем Распайль, ставил проблему классового строения общества в своей речи на том же «процессе 15-ти» Бланки. Эту речь неоднократно цитировали в трудах, посвящённых истории июльской монархии. Тем не менее при характеристике социальных идей начала 30-х годов на ней нельзя не остановиться.

Меня обвиняют в том, начал свою речь Бланки, что я говорил тридцати миллионам французов, пролетариям, как и я, что они имеют право на жизнь. Выдвигая такое обвинение, министерство взывает не к вашей справедливости (имеются в виду судьи. — В. В.), не к вашему разуму, а к вашим страстям и вашим интересам. Оно стремится развязать ваши чувства мести против тех, кого вам изображают в качестве угрозы вашему существованию и вашей собственности. Я нахожусь не перед судьями, а перед врагами. Моя обязанность — обязанность пролетария,

¹ Procès des Quinze, publié par la Société des Amies du Peuple. 1832, p. 42—43, 52—55.

² Ibidem, p. 68.

³ В. Malon «Histoire du socialisme». Т. II-А. p. 212—214; Tchernoff «Le parti républicain», p. 251—255; Procès des Quinze, p. 68—71.

лишённого всех гражданских прав, отклонить компетентность трибунала, в котором заседают только привилегированные, не являющиеся для меня «равными» (pairs). Перед вами буржуазные противники.

Наша роль — роль обвинителей, единственно приличная для угнетённых. Со скамьи подсудимых мы бросаем обвинение несчастным людям, разорившим и опозорившим Францию.

Министерство раскрыло перед вами воображаемую перспективу восстановления рабов, чтобы вызвать в вас страх, возбудить вашу ненависть. «Вы видите, — говорят вам, — это война бедных против богатых, — все те, кто владеет, заинтересованы в том, чтобы отбить нападение. Мы приводим к вам ваших врагов: поразите их, пока они не стали более страшными». Да, господа, это война между бедными и богатыми; её хотели богатые, ибо они являются агрессорами. Но им не нравится, что бедные оказывают сопротивление. Когда пролетарии жадуются на тяжесть налога, идущего на пользу привилегированным, их обвиняют в покушении на собственность. Привилегированные, которые живут в изобилии (grassement) за счёт пота пролетариев, — это законные владельцы, которым грозит грабежом жадная чернь. Кто же эти грабители? Это 30 миллионов французского народа, которые платят полтора миллиарда государству и примерно столько же привилегированным. А владельцы — 200—300 тысяч тунеядцев, которые пожирают миллиарды, уплачиваемые «грабителями». Мне кажется, что это — в новой форме и между новыми противниками — та же борьба, что вели феодальные бароны против купцов, которых они грабили на больших дорогах.

Бланки ясно понимает социальную роль государства. Современное правительство, говорит он, имеет своей основой это несправедливое распределение тягот и доходов. Это механизм, перекачивающий средства из народа в сундуки нескольких тунеядцев. Этот порядок вещей установлен только в целях эксплуатации бедного богатым. Люди с сердцем и разумом не могут остаться равнодушными к позору их страны, к страданиям пролетариев, их братьев по несчастью. Их долг — призвать массы сокрушить иго нищеты и бесчестья. Легальные пути защиты интересов и воздействия на общественное мнение все в руках привилегированных, их нет у народа. Законы издают 100 тыс. избирателей, применяют 100 тыс. судей, исполняют 100 тыс. национальных гвардейцев. И все эти избиратели, судьи, национальные гвардейцы — один круг людей, захвативших в свои руки все функции. В руках небольшого числа привилегированных, соединённых тождественными интересами, и законодательная, и судебная, и исполнительная власть. Палаты, изобранные людьми, захватившими власть, изготавливают законы, имеющие единую цель — грабёж. А что делают 30 миллионов пролетариев? Они остаются вне этой системы, они только платят. Пусть теперь народ кричит о голоде, пусть он требует, чтобы привилегированные отказались от своих привилегий, монополисты — от монополий. Они смеются ему в лицо. А наиболее ловкие, чувствуя опасность, которую грозит отчаяние голодных, предлагают, чтобы спастись от этой опасности, несколько облегчить их положение. Но народ не просит милостыни. Он в ней не нуждается, так как понимает, что он сам создаёт своё благосостояние. Он сам создаёт свои законы; и эти законы, созданные им, будут созданы для него⁵.

Политический вывод, к которому Бланки ведёт своих слушателей, совершенно ясен: для устранения общественных зол необходимо всеобщее избирательное право. Социалистических выводов Бланки в своей речи не делает. Из конкретных социальных мероприятий, необходимых для улучшения участи угнетённых, Бланки указывает лишь на реформу налогов: налоги, грабящие бедных в пользу богатых, должны быть отме-

⁵ Procès des Quinze, p. 77—85.

нены; должны быть введены налоги, изымающие излишек у тунеядцев, чтобы распределить его через систему национальных банков среди бедняков, которых отсутствие средств обрекает на бездействие. Это понимание функций национальных банков с несомненностью свидетельствует о влиянии на Бланки сенсимонизма.

Очень близка к выступлению Бланки по социальным тенденциям речь Плока на декабрьском процессе 1832 года. Отметим, что обе речи были напечатаны и выпущены в свет от имени Общества друзей народа. Очевидно, от высказанных в них положений руководство общества не считало нужным или удобным отмежеваться.

Июльская революция, говорил Плок, была для людей с аристократическими привычками несправедливой случайностью, уличной стычкой, к которой сначала приспособились, чтобы потом за неё покарать. Для народа, столь долго «находившегося в отсутствии», это было возвращение к исполнению обязанностей, установление нового социального порядка. В течение долгих лет все честные люди подымали свой голос против ненавистных законов, регулирующих распределение просвещения и богатства. Общественный разум возмущается социальной несправедливостью, которая, предоставляя одним образование, благосостояние и счастье, безжалостно и навсегда замыкает других в печальном кругу невежества, лишений, тяжёлого и неблагодарного труда, вечной, неустранимой нищеты.

Мы рассчитывали, что будущее устранил эту кричащую несправедливость. Мы черпали наши надежды в воспоминаниях о республике, которая боролась за восстановление уважения к пролетариям, мы ожидали с нетерпением дня освобождения. Мы ждали, что народу решат дать наконец хлеб, просвещение и свободу. Все граждане должны быть призваны к общему пользованию прекрасной привилегией, до настоящего времени находящейся в исключительном пользовании состоятельных классов, — привилегией достигать богатства и счастья при помощи знания, труда и экономии. Но после июльской революции народное дело было предано. Чтобы добиться необходимых улучшений, нужна упорная борьба; это и есть задача Друзей народа.

Плок считает, что «в пределах нашей социальной конституции» нельзя найти место для таких улучшений. Он мечтает о «новом порядке». Однако ему, очевидно, не ясны ни основные черты этого нового порядка, ни пути его достижения. Цель — конституирование единой и крепкой нации, граждане которой все равны в правах и свободах. Отечество всем должно обеспечивать воспитание, должно сделать всем в равной мере доступными общественные должности и богатства в соответствии с их трудом и способностями. Различие между классами привилегированными и классом нуждающимся должно быть уничтожено. Однако Плок считает, что эта цель будет достигнута путём «примирения интересов собственников и пролетариев». Упоминаемые Плоком конкретные реформы находятся целиком в пределах буржуазной «социальной конституции», и некоторые из них явно соответствуют интересам развития буржуазного порядка. Так, наряду с налоговой реформой, переносившей тяжесть налогов на богатых, со школьной реформой, содействующей широкому распространению образования, мы находим у Плока требование уничтожения монополий и отмены ограничений свободы торговли и промышленности⁶.

По полицейским данным, в некоторых брошюрах, изданных Обществом друзей народа, были прямы указания на необходимость социального переворота во имя идеала равенства. Мы имеем в виду, говорилось будто бы в одной из таких брошюр, не столько политическое преобразование, сколько социальную реформу. Расширение политиче-

⁶ Procès du droit d'association, p. 50—53.

ских прав, избирательная реформа, всеобщее избирательное право — прекрасные вещи, но как средство, не как цель. Наша цель — равное распределение тягот и благоденствий общества, полное установление царства равенства. Без этой радикальной реорганизации все изменения в управлении — ложь, комедия, разыгрываемая на пользу нескольких честолюбцев. Конкретной характеристики «царства равенства» мы и здесь не видим. Но идея подчинения политической реформы реформе социальной выражена с большой отчётливостью. В другой брошюре того же направления, изданной в 1831 г. в связи с лондонским восстанием, требование равенства обосновывается как требование естественного права. Каждый в силу велений природы имеет право пользоваться продуктами земли, необходимыми для сохранения его существования. Это право вытекает из самой настоятельной потребности. Между ним и частным присвоением возникает коллизия, которая может быть устранена лишь путём общественного соглашения. В силу действующих законов общество позволяет, чтобы богатства попадали целиком в руки немногих, тогда как оно должно было бы их постоянно дробить, чтобы часть доставалась каждому. Чтобы улучшить положение тех, кто ныне страдает, надо преобразовать человекоубийственное состояние общества. Целью преобразования должен быть такой порядок, при котором доход от труда возвращается к труждающемуся, при котором не будет людей, которые служат орудиями для другого человека. Конкретных средств для достижения поставленной цели и эта брошюра не указывает⁷.

Наличие у некоторых групп Друзей народа антикапиталистических, уравнилельных тенденций, наличие резкой критики классовых противоречий существующего общества представляется, таким образом, бесспорным. Но столь же бесспорным представляется и то, что чётких социалистических требований и эти группы не выдвигали. Нет их в этот период даже у будущего коммуниста Бланки. Это, конечно, не исключает возможности устной социалистической пропаганды в отдельных секциях или социалистических выступлений в печати отдельных членов общества. Известно, что член общества Тест (о нём нам ещё придётся говорить) высказывал в своих статьях взгляды, весьма близкие к бабувистским⁸. Что касается отношения к социальному вопросу руководителей общества, то некоторое углубление и развитие положений уже упомянутого нами манифеста 1830 г. мы находим в речи одного из крупнейших республиканских вождей, Годфруа Кавеньяка, на процессе общества в конце 1832 года. Надо иметь при этом в виду, что Кавеньяк считался среди них одним из наиболее радикальных.

Республиканская партия, говорил Кавеньяк, отнюдь не ограничивает свою задачу изменением формы правления. Как ни важны вопросы формы, дело не только в них. Республика обещает улучшение социального строя, она ведёт к установлению царства равенства и к удовлетворению интересов народа. Именно это привлекает к её знамёнам тех, кто хочет служить человечеству и родине. Кавеньяк осуждает эксплуатацию. Мы хотим, заявляет он, чтобы труд не был подчинён интересу жадных и туняцдев; мы требуем, чтобы трудящийся не был эксплуатируем капиталами (*que le travailleur ne soit pas exploité par les capitaux*). Рабочий должен получить средства «освободить свою активность».

Но средства освобождения труда Кавеньяк видит отнюдь не в уничтожении частной собственности, а во всё более равномерном её

⁷ Tchernoffi «Le parti republicain», p. 263—264. Чернов излагает содержание брошюры, ссылаясь на Gisquef «Memoires», p. 153. Оригиналa мне найти не удалось, как, очевидно, не удалось это и Чернову, работавшему в парижских библиотеках и архивах. На Gisquef основывается, повидимому, в своём изложении и Prudhommeaux «Icarie et son fondateur», p. 62—63.

⁸ Morange «Les idées communistes», p. 10—11.

распределении. Он с удовлетворением констатирует мощь принципа собственности во Франции. Эта мощь является, по его мнению, результатом её раздробленности, результатом продажи национальных имуществ, революционного законодательства о наследовании, роста числа собственников. Чувство собственности — естественное чувство человека. Именно поэтому необходимо, чтобы оно было удовлетворено у всего более большого числа граждан. Право собственности должно быть, однако, подчинено высшему праву общества — регулировать собственность, оно не должно приносить ущерба социальному делу. Не должно быть ни больших состояний, ни крайней нищеты. Отсутствие собственности должно быть исключением. В качестве практических мер, содействующих более равномерному распределению собственности, Кавеньяк намечает организацию общественных банков, распространение просвещения и технических навыков, справедливую систему отчисления известной доли с каждого наследства в общий фонд для распределения между пролетариями. Он считает дробление капиталов неудобным для развития промышленности. Но это неудобство должно быть компенсировано развитием рабочих ассоциаций⁹.

Известно, что Кавеньяк относился с большим почтением к Бабёфу. Но коммунистическую систему Бабёфа он считал узкой и коверкающей природу человека. Его социальный идеал — равновидность мелкобуржуазного эгалитаризма.

В различных комбинациях мы встретим отдельные положения, выдвинутые Кавеньяком, у многих социальных мыслителей 30—40-х годов — от поздних сенсимонистов до Прудона. Общественный кредит как средство обеспечения трудящихся орудиями труда, как средство дробления капиталов; ассоциация трудящихся как средство их объединения для производств, требующих по своему характеру больших масштабов, — эти идеи отвечали в изучаемый период настроениям широких масс ремесленного пролетариата и полупролетариата, мечтавших при помощи таких средств подняться вновь до положения самостоятельных производителей, найти в них опору в борьбе против наступающего крупного капитала. В известной мере эти идеи должны были находить отклик и в умах деревенской бедноты — опутанной долгами мелкого крестьянства и обездоленной развитием капиталистической промышленности кустарей. Время июльской монархии знает ряд попыток организации производственных ассоциаций ремесленных рабочих и разного типа сельских кооперативов.

III

В конце 1832 г. Общество друзей народа прекратило своё существование. Но на смену ему тотчас же выдвинулась другая республиканская организация — Общество прав человека. Все радикальные секции Друзей народа вошли в состав этого Общества. Характерны для настроения их членов уже самые названия секций: «Кай Гракх», «Равенство», «Бабёф», «Священник Мелье» и т. п. После реорганизации удельный вес рабочих в Обществе вырос. По данным Girod, сообщённым в его докладе на большом процессе Общества в апреле 1834 г., некоторые секции целиком или почти целиком состояли из рабочих: La Montagne, Lebas — из подмастерий-портных, Paix aux chaumières, 5 et 6 juin — из сапожников. Тенденции к социальным преобразованиям, попрежнему не вполне определённые, всё же звучат в заявлениях Общества резко, чем во времена Друзей народа.

Программа Общества прав человека, помимо чисто политических требований (суверенитет народа, всеобщее избирательное право), содер-

⁹ Procès du droit d'association (15 decembre 1832), p. 20, 22.

жала в себе также некоторые требования социального порядка. В выпущенном Обществом «Изложении республиканских принципов» его руководство открыто заявляло о том, что Общество примыкает к традиции Конвента и считает наилучшим выражением основных принципов, на которых должно строиться Общество, декларацию прав Робеспьера. Своей целью Общество провозглашает равенство. Но Общество стремится не к отмене частной собственности, а к её справедливому и моральному определению (*la propriété de chacun justement et moralement définie*). Общество обращается ко всем, кто хочет, чтобы все народы и все граждане пользовались на равных началах благами природы и бесконечным прогрессом цивилизации. Но главным образом оно надеется на поддержку тех, кто лишён избирательных прав, кто почти не пользуется покровительством гражданских законов, созданных богатыми и для богатых, кто изнемогает под бременем чрезмерного труда и общественных налогов.

Авторы программы понимают необходимость наметить конкретные мероприятия, имеющие целью облегчить положение пролетариев. Было бы жестоко, говорят они, просвещать многочисленные классы пролетариев, разъясняя им их бедственное положение, и не указывать им на лучшую конституцию, способную создать прочное царство справедливости. Однако нельзя сказать, чтобы черты этой лучшей конституции были даны в программе достаточно ясно. Наиболее определённо сформулированы в ней принципы финансовой реформы. Финансовая система, которую защищает Общество, должна не только облегчить тяготы, которые обременяют ныне бедных, труд, индустрию. Она должна быть наделена ресурсами, необходимыми для того, чтобы им активно помогать. Доходы государства должны составить «социальный капитал». Государство будет впредь играть роль не должника, а заимодавца, направлять мощь социального капитала на кредитование частных лиц. Что касается реформы промышленной организации, то она будет содействовать реализации двух принципов: лучшего разделения труда, лучшего разделения продуктов. Реформа должна ускорить «эмансипацию рабочего класса», обеспечить участие разума в развитии социальных интересов. Если к этим, весьма туманным обещаниям мы добавим систему общественного воспитания, внушающего молодому поколению общие идеи, совместимые с прогрессом, то мы тем самым исчерпаем всё, что говорит программа о социальных преобразованиях¹⁰.

Неясность социальной программы Общества является результатом неоднородности его классового состава и необходимости согласования различных тенденций социальной мысли. Леру, сам бывший членом Общества, различает в нём три группы, которые он характеризует, связывая их с именами вождей, следующим образом: Марра — свобода, хвост Дантона; Лебон и Виньерт — равенство, Бабёф — хвост Робеспьера; Кавеньяк — братство. Повидимому, Леру прав в том смысле, что в Обществе существовала правая группировка, которая настаивала на большой осторожности в социальных требованиях и соглашалась на них очень неохотно, левая группировка, с ясно выраженными социалистическими тенденциями, наконец, центральная группировка, защищавшая программу социальных реформ уравнительного характера.

Мы знаем, что борьба внутри Общества приводила к резким конфликтам; были моменты, когда правые и левые выступали с особыми заявлениями, направленными друг против друга. В одном из таких документов, исходящих из правых кругов, членов Общества призывают к «благоразумию». Необходимо формулировать доктрины Общества

¹⁰ Exposé des principes republicains, p. 5, 6, 11.

так, чтобы не отталкивать никаких убеждений. Не следует затрагивать интересы (очевидно, буржуазные). Не следует атаковать предрассудки в лоб. Неблагоразумная политика ведёт к провокациям: полиция от имени Общества призывает к нападению на собственность и на торговлю. Документ, исходящий от левой группировки, выражает протест против беспринципного мира с другими партиями. Не следует замалчивать принципы во имя преходящих соглашений. Не затрагивать — значит уважать те социальные и политические позиции, с которыми мы должны вести борьбу во имя общих интересов¹¹.

Стремясь не отталкивать от Общества буржуазию, всё же и правая группа не могла полностью отказаться от обещания социальных реформ: рабочие и ремесленная беднота занимали слишком большое место в рядах сторонников Общества. Так Марра, которого Леру причисляет к правым (хвост Дантона), считает социальные реформы неизбежным следствием грядущего политического преобразования. Если бы политическая организация, к которой мы стремимся, заявляет Марра, не имела своим последствием улучшение положения бедных классов, мы перестали бы заниматься политикой. Марра критикует «промышленный феодализм» и требует более равномерного распределения тягот и благ. Как одно из средств для достижения этой цели он пропагандирует «организацию свободных ассоциаций», содействующих постепенному переходу орудий труда в руки трудящихся¹².

Теоретическое обоснование для уравнительных мероприятий, предлагаемых Обществом прав человека, даёт брошюра «О равенстве»¹³. Автор брошюры исходит из положения об изначальных и неотчуждаемых правах, которые присущи каждому человеку с того момента, как перед ним открываются врата жизни, об общественном порядке, установленном провидением, но подрываемом эгоизмом и пороками. Рождаясь, каждый человек получает право на свою долю в благах земли, которые необходимы для его существования; он получает право развивать и расширять своё физическое и моральное существование. Общее благо требует, чтобы государство установило для всех граждан ту же свободу, ту же защиту, ту же благосостояние. Всякое хорошее общественное установление покоится на принципе: все люди равны. Социальное равенство состоит в равном распределении преимуществ и тягот общества между его сочленами. Так как всякий работает на общее благо, то необходимо, чтобы это общее благо не оставалось пустой фразой, необходимо, чтобы оно было действительно благом для тех, кто его создаёт. Государство по самой природе ассоциации есть распорядитель всего имущества своих членов. Собственник — лишь хранитель части национального имущества, доверенной управлению. Подобно сенсимонистам, автор называет собственника должностным лицом, которое обязано управлять имуществом в интересах всех. Из всех этих рассуждений не делается, однако, социалистических выводов. Сразу опрокидывать организацию собственности не следует. Надо лечить диспропорции путём прогрессивного налога, налога на роскошь и тому подобных мероприятий. А необходимым условием их осуществления является политическое преобразование. Равенство может существовать только в свободном государстве. Там, где господствует общая воля, всё идёт в направлении равенства, ибо каждый, голосуя за всех, голосует за себя.

И по своей аргументации и по своим выводам автор брошюры «О равенстве» явно примыкает к руссоистским традициям, однако он

¹¹ Girod de l'Ain «Rapport fait a la cour des pairs (Affaire du mois d'avril 1834)», p. 97—99.

¹² Tebernoff. Op. cit., p. 149—152.

¹³ «De l'égalité». Paris. 1833. Чернов считает автором брошюры Кабе.

в то же время, несомненно, находится под известным влиянием утопического социализма. Практические предложения, сформулированные в брошюре, не выходят за пределы того понимания «эмансипации рабочего класса», которое отразилось в программе Общества; они были, надо думать, приемлемы для всех его группировок. Более радикальную постановку социальной проблемы находим мы в выступлениях Виньерта, которого, как мы уже говорили, Леру связывает с бабувистами.

Виньерт был членом руководящего комитета Общества прав человека. В августе 1833 г. он направил главному редактору либеральной газеты «Le National» письмо, в котором попытался в сжатой форме изложить своё понимание целей Общества. Письмо не было опубликовано в газете и поэтому издано отдельной листовкой¹⁴. Как сообщает в постскрипуме к тексту письма Виньерт, оно было представлено им в руководящий комитет Общества и было одобрено комитетом. Таким образом, руководство Общества считало допустимой пропаганду от имени Общества выраженных Виньертом идей.

Надежда отечества и будущее человечества, говорит в письме Виньерт, находятся в руках прекрасного класса пролетариев. Но пролетарии не получили образования и не читают газет. К тому же пресса подчинена монополии богатства и никоим образом не служит защите пролетариев. Средством для воздействия на массу пролетариев, для их политического воспитания является ассоциация (Виньерт имеет в виду в данном случае политическую ассоциацию, т. е. представляемое им Общество). Защитники идеи братства бедняк. Но отсутствие денежных средств компенсируется у них чистотой, храбростью и любовью к человечеству. Христиане не имели в своём распоряжении иной силы, кроме веры в своё учение, других средств, кроме проповеди, и тем не менее эта проповедь преобразовала мир¹⁵.

Мы знаем, что основными ячейками, через которые Общество прав человека воздействовало на рабочие массы, были секции. О чём же говорят в секциях? — спрашивает Виньерт. Ответ на этот вопрос характеризует, несомненно, не только настроения, царящие в секциях, но и настроения самого Виньерта: Долой все привилегии, даже привилегии рождения! Долой монополию богатств! Долой эксплуатацию человека человеком! Долой социальное неравенство! Долой эту позорную организацию, где многочисленные паразиты живут широко, ничего не делая, за счёт труда своих несчастных братьев! Индивидуализм должен уступить место самопожертвованию. Не должно быть более каст — да здравствуют гармония и политическое единство! Народ хранит и обрабатывает землю, он создаёт все богатства, ему принадлежит право совершить справедливое распределение социальных обязанностей и благ¹⁶.

В заключение Виньерт напоминает, что самые великие революции не были революциями чисто политическими. Когда политическая революция не сопровождается революцией социальной, из неё ничего или почти ничего не получается. Власть переходит из рук в руки, но народ остаётся в том же состоянии. Та же испорченность, те же дурные страсти, то же невежество. Чтобы закрепить ссылкой на авторитет свою отрицательную оценку общественных отношений, Виньерт заканчивает письмо цитатой из Неккера: «Все гражданские учреждения созданы для собственников — можно было бы сказать, что небольшая группа людей, разделив между собою землю, создала законы союза и гарантии против массы, как в лесу строят защиту от диких зверей».

¹⁴ Vignerte «Au rédacteur en chef du National». Текст письма воспроизведен также в отчёте о судебном процессе, который последовал за выходом листовки в свет: Procès des citoyens Vignerte et Pagnerre.

¹⁵ Vignerte, p. 1.

¹⁶ Ibidem, p. 2.

Привлечённый к суду в связи с изданием своего письма, Виньерт в феврале 1834 г. выступил на суде с речью, в которой его социальные идеи изложены более подробно. Эта речь является одним из интереснейших документов политической борьбы изучаемой нами эпохи.

Меня обвиняют в том, говорил Виньерт, что я требовал для уничтожения нищеты и угнетения масс отмены всех привилегий, уничтожения всех социальных неравенств, организации собственности в соответствии с принципами разума и морали. В ответ на эти обвинения Виньерт раскрывает перед аудиторией свою «философию общества», примыкающую, несомненно, к традициям предреволюционной общественной мысли, но в то же время отражающую новые условия, созданные развитием капиталистических отношений. Эта философия общества не лишена своеобразных черт.

Ничего нельзя сделать из ничего, заявляет Виньерт. Это верно в мире социальном, как и в мире физическом. Труд человека применяется только к материи. По принципам естественного права эта материя труда является достоянием всех¹⁷. Но ею овладели привилегированные классы в результате ряда узурпаций и социальных несправедливостей. Если даже допустить, что это владение — законная собственность, следуют ли из этого, что «собственники материи» имеют право на монопольное пользование богатствами? Нет. Материя сама по себе не имеет ценности: она может служить потребностям человека лишь постольку, поскольку она пережила известную трансформацию. А эта трансформация производится трудом. Труд — жизнь общества. Если должны существовать привилегии, то разум требует, чтобы они были установлены в пользу рабочего, который питает общество, и в ущерб бездельнику, который живёт чужим потом. В действительности существует обратное. Нация разделяется на два чётко различных класса: привилегированных и пролетариев.

Привилегированные, которые узурпировали у нации её суверенную власть, сказали: если пролетарии будут пользоваться плодами своего труда, они будут жить в изобилии и станут равны нам. Но мы можем эксплуатировать их и терзать в нищете, так как мы владеем материей производства. Пролетарии, который живёт только своим трудом, вынужден обращаться к нам. Воспользуемся нашим положением, чтобы навязать ему самые жёсткие законы. Дадим ему средства существования лишь на условии непрерывного и чрезмерного труда, чтобы у него не было ни времени, ни возможности для образования и для борьбы за освобождение. Так возник вынужденный договор, регулирующий отношения между привилегированными и пролетариями, — договор, продиктованный жадностью и санкционированный голодом... Существующие законы о собственности имеют целью закрепить эксплуатацию трудящихся в пользу класса привилегированных. Собственность есть право пользоваться частью благ, гарантированной законом, заявляет Виньерт, пользуясь формулой декларации прав Робеспьера. Французские законы защищают все права, кроме прав народа, уважают все виды собственности, кроме собственности бедного. Но закон, не отвечающий всеобщим интересам, недействителен и аморален.

Этой характеристике законов, как средства закрепления привилегий, противопоставляют утверждение, что все привилегии были отменены в 1789 и 1830 годах. Виньерт решительно протестует против такой идеализации результатов революционного движения. Что выиграли пролетарии от революции 89 года? — спрашивает он. Абсолютно ничего. Буржуазия воспользовалась ими, чтобы победить знать и духовенство, чтобы овладеть богатствами этих каст. А затем, когда некоторые захотели пойти

¹⁷ La matière industrielle est le domain de tous. Procès des citoyens Vignerie Pagnerre, p. 5.

дальше и потребовать прав для пролетариев, они были убиты¹⁸. Верно или нет, что во Франции наряду с тысячами, имеющими всё в изобилии, миллионы гибнут от недостатка того, чего у других излишек? Верно или нет, что судьба пролетариев зависит от произвола богатых? Хорошо управлять своим состоянием — значит в настоящее время эксплуатировать рабочих, достигать роста их продукции, не увеличивая их заработной платы. А после того как пролетариев ограбят как наёмных рабочих, их ещё обижают как плательщиков налогов. Богатые, переменяв костюм, выступая под узурпированными ими титулами пэров, депутатов и т. д., возлагают на пролетариев новые жертвы во имя государственных нужд. Но государство — не короли, не аристократическое меньшинство: это — большинство, это народ, который действительно страдает от нужды. Налоги вовсе не служат делу облегчения его судьбы. Всё, что платит бедняк, навсегда потеряно для него, навсегда уходит в руки привилегированных. Между тем именно пролетарии — наши братья, равные нам по природе, лишённые всех благ воспитания, скупаемые нуждой, — именно они создают все богатства, покрывают все общественные потребности, проливают свою кровь за родину. Всё это делают рабочие и крестьяне; своим чрезмерным трудом они поддерживают существование неблагодарной касты, которая смотрит на них с презрением и считает своими вассалами.

Почему же, спрашивает далее Виньерт, собственность богатых пользуется таким покровительством законов, а у бедных и трудящихся классов отнимается их единственное достояние — плоды их труда. Причина этого в нашей политической конституции. Люди — по природе эгоисты. Если бы законы вотивались всеми, рассуждает Виньерт несколько упрощённо, они служили бы интересам всех. Но поскольку их создают представители богатых собственников, крупных капиталистов, как это происходит теперь, ясно, что они будут служить интересам аристократии. Только суверенный народ способен уничтожить эксплуатацию. Виньерт твёрдо убеждён, что народ вскоре вступит в обладание суверенитетом. Вернув себе пользование суверенитетом, нация, состоящая в подавляющем большинстве из трудящихся, примет все действительные меры для обеспечения освобождения пролетариев и поощрения индустрии¹⁹.

Дело организации общества — дело самого народа. Но Виньерт считает правом борцов за дело народа составить продуманное мнение о принципе социальной организации, защищать и пропагандировать это мнение. Основная цель республиканских учреждений должна состоять не в том, чтобы наполнять сундуки привилегированного меньшинства и освободить его от труда: они должны сделать благосостояние доступным каждому, чтобы для его приобретения труд был всегда необходимым и никогда бесполезен. Освобождение трудящихся классов, которые страдают в наше время от переходящей по наследству нищеты, — самая значительная из реформ. Для достижения этой цели нужен не аграрный закон, хотя суверенный народ имеет право его принять. Нужно, чтобы республика доставила пролетариям средства для организации кооперативных ассоциаций, где их способность к труду будет использована ими самими²⁰. В заключительном слове Виньерт поясняет, что он имеет в виду перестройку на началах ассоциации не тех или иных отдельных отраслей производства, но всех отраслей. Я хочу, говорит он, чтобы индустрия была освобождена от закона заработной платы, произвольного и тиранического, и подчинена закону ассоциации, разумному и выгодному²¹.

¹⁸ La matiere industrielle est le domain de tous. Procès des citoyens Vignerte Pagnerre, p. 20.

¹⁹ Ibidem, p. 6—7.

²⁰ Ibidem, p. 8.

²¹ Ibidem, p. 20.

Виньерт не может не коснуться острого для времени промышленного переворота вопроса о машинах. Труд машин, говорит он, отнимает труд у известного числа рабочих. Это позор нашей цивилизации. Природа дала человечеству эти средства помощи физическому труду вовсе не для того, чтобы увеличить его бедствия. Надо упразднить эксплуатацию человека человеком, надо конституировать социальный порядок в интересах всех — и тогда рабочих, который сейчас разбивает машины, благословит в них великих помощников человека. Когда рабочие смогут организовать кооперативные ассоциации и всё обобществить: материалы, разум, деятельность, — тогда будут образованы громадные предприятия, оборудованные самыми совершенными машинами. Доход каждого возрастет, а рабочий день сократится вдвое; рабочий сможет использовать для самобразования, для своей деятельности как гражданина, для удовольствий то время, которое без ассоциации и машин он должен был бы целиком отдать труду. Пока действует закон заработной платы, сохраняются последние следы первоначального рабства трудящихся; только закон ассоциации их полностью освобождает.

Идея противоречия классовых интересов проходит красной нитью через всё построение Виньерта. Как мы видели, именно с этой точки зрения освещает он ход и результаты французской революции XVIII в. и роль в ней буржуазии. Заслуживает внимания в этой связи также та общая характеристика, которую он даёт политике буржуазии в прошлом и в настоящем. Буржуазия, заявляет он, шла много лет во главе либерального движения. Она провозглашала лозунг равенства, пока видела неравенство над собой. Одержав победу, она хочет, чтобы общество оставалось неподвижным. Она краснеет от того, что она была плебейской; она стала аристократической и желает сохранить за собою монополии политических прав и социальных благ. Теперь лозунг равенства провозглашает пролетариат, и буржуазия, недовольная выводами из принципа, который она сама выдвинула, беснуется и напоминает о 1793 годе. Между тем, заключает Виньерт с редкой для его времени тонкостью понимания хода революционного процесса, она сама подготовила 1793 год, и результатами его она одна воспользовалась.

Будущее общества зависит от народа, а не от интриг так называемых либеральных котерий. В обществе назревает революция. И эта революция в отличие от революции 1830 г. не ограничится переменой цвета костюма господ. Прошло время, когда можно было обманывать народ. Пролетарии не забыли, как недостойно были они обмануты четыре года назад. Виньерт верит, или делает вид, что верит, в возможность мирной, бескровной революции. Для того чтобы совершить революцию, заявляет он, нам не надо гражданской войны. Республиканцы — не кровопийцы. Они хотят уничтожить не людей, а злоупотребления и привилегии. Сила республиканской доктрины в том, что она соответствует и пожеланиям благородных сердец и настоящим нуждам трудящихся. Республиканская пропаганда, утверждает Виньерт, наносит правительству смертельные удары, и его положение становится невозможным. Однако вместо того, чтобы это признать, правительство пытается спасти существующий порядок при помощи исключительных законов. Оно стремится отнять у народа право ассоциации, надеть намордник на прессу, уничтожить суд присяжных, лишить республиканцев легальных способов борьбы. Ну что же, заканчивает Виньерт свою речь, если правительство подымет руку на эти последние завоевания июля, мы атакуем его уже не речами, не брошюрами, а с оружием в руках.

Вряд ли будет правильно, следуя за Леру, причислить Виньерта к бабувистам, хотя известное влияние на него бабувистской пропаганды весьма вероятно. Представление Виньерта о будущем обществе, как со-

вокупности ассоциаций, весьма далеко от бабувистской «национальной коммуны», с её чертами «грубой уравнительности». Не находим мы у Виньерта и характерной для бабувизма идеи революционной диктатуры. С другой стороны, от сенсимонистов и фульеристов Виньерта отделяет прежде всего идея классовой борьбы и идея политической революции как средства социального преобразования. Мы не имеем данных, непосредственно свидетельствующих о влиянии Виньерта на последующие поколения представителей социалистической мысли (напр. на Л. Блана). Но на формулирование классового самосознания французского пролетариата пропаганда Виньерта и других, подобных ему левых деятелей республиканского движения 30-х годов, оказывала, несомненно, не меньшее воздействие, чем пропаганда современных им представителей более широко известных утопических школ.

Весьма радикальную позицию в вопросе о собственности и о необходимых социальных преобразованиях занимал также Войе д'Аржансон, являвшийся, как и Виньерт, членом руководящего комитета Общества прав человека. Потомок старой аристократической семьи, давшей ряд крупных деятелей дореволюционной Франции, Войе д'Аржансон занимал пост префекта при империи, был членом палаты депутатов при Реставрации и в первые годы июльской монархии. В изучаемое нами время он был близок с Буонаротти, участником бабувистского движения и автором вышедшей в 1828 г. истории «заговора равных». Влияние на д'Аржансона этого ветерана коммунистического движения, возвратившегося после июльской революции в Париж, вряд ли может быть подвергнуто сомнению. Ещё более близок был д'Аржансон с бабувистом Тестом, другом Буонаротти и его постоянным парижским корреспондентом в годы Реставрации²². Тест помогал д'Аржансону в издании его брошюры *Boutade d'un riche a sentiments populaires* (он и придумал это название) и вместе с д'Аржансоном был привлечён к суду за её публикацию; в своём выступлении на процессе Тест выразил чувство глубочайшего уважения к д'Аржансону как к человеку и как к политическому деятелю.

Для д'Аржансона дело организации Общества (или иначе: искусство жить в политическом обществе) есть дело знания. Как и всякое другое знание, и это знание является результатом опыта и наблюдения. Как и все знания, это знание прогрессирует. Отсюда следует, что политическое общество, как и все другие виды ассоциации, подчинено закону совершенствования. Правда, развитие науки об обществе отстаёт от развития других наук, ибо его задерживают тысячи интересов, тысячи различных страстей. Тем не менее д'Аржансон твёрдо верит, что настанет момент, когда одна из наций (д'Аржансон отказывается сказать, какая) покажет другим нациям образец социального строя, конституированного в соответствии с его истинными элементами. Одним из таких элементов д'Аржансон считает, как и социальные мыслители XVIII в., природу человека: вторым является физическая природа той территории, на которой данный народ живёт²³. Надо отметить, однако, что мысль о конституирующем значении физической природы страны — мысль, очевидно, навеянная теорией Монтескье, не находит у д'Аржансона никакого развития.

Всякое богатство, говорит д'Аржансон в своём памфлете *Boutade d'un riche*, происходит от труда и не может иметь другого происхождения. Нет ни одного естественного продукта, который не требовал бы труда, чтобы быть пригодным к употреблению. Если я хочу съесть плод, я должен сорвать его. Сумма ежегодного продукта, произведённого трудом, разделяется на три части: проценты на капитал, арендная плата

²² Robiquet «Buonarrotti», p. 166 ss.

²³ См. d'Argenson «Discours et opinions» Т. II, p. 86—90.

за землю, заработная плата. Предположим, не стремясь к особой точности в исчислении, что валовая стоимость продуктов, произведенных трудом французского населения за год, составляет 8 миллиардов. Если из тридцати с лишним миллионов населения Франции вычесть богатых, чиновников, стариков и больных, женщин, которые не в состоянии работать, и детей, мы найдём, что число трудящихся составляет, самое большее, пятнадцать миллионов. Если мы предположим, далее, что каждый трудящийся в среднем зарабатывает в год 400 франков, что, несомненно, выше действительного заработка, то получается, что на заработную плату идёт всего 6 миллиардов. Можно оспаривать эти цифры. Но невозможно отрицать, что владельцы земли, домов и капиталов изымают из валового продукта труда в свою пользу не менее четверти всей суммы. Эта четверть с каждым годом увеличивает достояние богатых и бездельников ²⁴.

Но это ещё не всё, продолжает д'Аржансон. Будет глубоким заблуждением думать, что трудящиеся могут полностью пользоваться той частью продукта своего труда, которая осталась на их долю. Прежде всего они содержат на свою заработную плату ту часть женщин, стариков и детей, которую они обязаны содержать по законам морали. Далее. Нация тратит приблизительно 1200 миллионов на общественные нужды. Вы думаете, что богатые платят свою часть этой суммы? Нет, они не так глупы. И к той арендной плате, которую они взимают, и к той цене, которую они требуют за продукты, они прибавляют соответственную часть причитающегося с них налога и даже немного больше, чтобы не ошибиться. Богатые не платят налога. Но они авансируют государству часть налога, который падает на земли и капиталы. И из этого они делают источник нового дохода. Одни из них говорят другим: мы продаём свой хлеб за такую цену, которая покрывает его себестоимость плюс арендная плата за нашу землю плюс падающий на нас налог и ещё немножко сверх этого. Но вы могли бы помочь нам получить больше. Скажите, что надо поддержать сельское хозяйство, и наложите пошлины на импортный хлеб. Мы будем тогда продавать хлеб ещё дороже и отберём у народа таким образом часть той заработной платы, которую мы вынуждены платить ему за его труд, что очень неприятно. Охотно, отвечают другие, те, которые продают скот или лес, или сахар, или шёлк, но с тем, чтобы вы помогли и нам поднять цены на наши продукты. «Мы разделим доходы, которые принесёт нам эта честная операция за счёт заработной платы этого чортова народа». Если учесть ещё те суммы, которые извлекаются из карманов бедняков посредством ломбарда, ростовщичества, учесть, что наборы также падают своей тяжестью главным образом на бедняка; если учесть те преступления, которые вызываются контрастом между изобилием и нищетой, привилегиями и несправедливостью; если вычитать в деньгах, во что обходятся бедным судебные издержки, поборы администрации и полиции, — невольно спрашиваешь себя: да может ли ещё что-либо остаться у трудящихся из их заработной платы, остаётся ли у них хоть треть из тех шести миллиардов, которые так щедро за ними оставили? ²⁵.

Общественный строй, при котором одни приобретают и сохраняют богатства без труда, а другие страдают от чрезмерного труда и не получают за него достаточного вознаграждения, — строй порочный и чреватый политическими смутами. В основе этого строя лежит право собственности, как его понимают в современном состоянии нашей цивилизации. В том законодательстве, которое определяет право собственности, всё искусственно, почти всегда ложно ²⁶. Всеобщее богатство растёт из

²⁴ «Boutade d'un riche à sentiments populaires», p. 1—2.

²⁵ Ibidem, p. 3—4.

²⁶ Discours et opinions. T. II, p. 281; Doctrines, pensées diverses.

года в год. Но вся существующая система ведёт к концентрации богатства и привилегий собственности в руках немногих. Нет ни одного положения в наших законах — уголовных, гражданских, административных, финансовых, — которое не содействовало бы росту неравенства социальных условий²⁷.

Всякое богатство происходит из труда, — повторяет д'Аржансон в своей защитительной речи на суде по поводу издания той же брошюры, «Boutade d'un riche», — и тем не менее при полной очевидности этой истины только труд не представлен в механизме наших политических властей. Первое и почти единственное условие получения политических прав первого ранга — это быть бездельником. Всякое богатство происходит из труда; и тем не менее эта собственность, самая священная из всех, рассматривается как некое общественное достояние, в котором каждый черпает не пропорционально тому, что он в него вносит, а пропорционально своей власти и капиталу. Закон заботится не об интересах трудящихся, а об интересах владеющих²⁸.

Д'Аржансон решительно отвергает теорию, признающую собственность естественным правом. Право владения без гарантии этого права со стороны общества, право, предшествующее общественному договору, он считает чистой абстракцией. Не может также, по его мнению, неприкосновенность частной собственности основываться на моральных обязательствах, вытекающих из договора, ибо на такой договор никогда не было дано добровольного согласия. Д'Аржансон высмеивает «фикцию общественного договора», будто бы санкционировавшего принадлежность орудий труда небольшому числу и обязавшего большинство отдавать свои силы работе на меньшинство и защите его «прав»²⁹. Последний аргумент в защиту неприкосновенности частной собственности — это аргумент от труда, который считается наиболее убедительным. Защитники права частной собственности выводят его из права трудящегося на продукт его труда. Но разве та часть общего богатства, которую вы считаете своей, спрашивает д'Аржансон, создана действительно вашим личным трудом? Разве вы обработали это поле собственными руками? Разве вы сами построили этот дом? Все виды богатства являются большей частью результатом, непосредственным или косвенным, труда ваших ближних³⁰.

В действительности все частные владения без исключения происходят из насилия или обмана: насилия вооружённого или насилия деспотической власти; обмана при помощи законов, которые никогда не были свободным выражением общей воли. Законы, устанавливающие будто бы права, вытекающие из наследования, из давности, продиктованы господами или, самое большее, уполномоченными привилегированных классов. Труд, который создал ваши богатства, обращается д'Аржансон к собственникам, мог стать вашим лишь в силу рабства, серважа, лишь после неравной борьбы работников, лишённых всякой защиты законов, против привилегированных монополистов, определяющих заработную плату трудящихся мерой своей ненасытной жадности.

Собственность в её настоящем состоянии, делает вывод д'Аржансон, лишена всякого законного основания, не защищена никакой моральной санкцией. Существующий строй связан своим происхождением со строем феодальным, который в настоящее время вновь восстанавливается при посредстве привилегий, монополий, государственного долга, подачек придворным и т. п. Революционные собрания конца XVIII в. приобрели, по мнению д'Аржансона, право на признательность потомства прежде всего

²⁷ «Boutade d'un riche a sentiments populaires», p. 239. 257.

²⁸ Ibidem, p. 366—367; Procès des citoyens. Voyer d'Argenson, Ch. Teste et An. Mie.

²⁹ Ibidem, p. 302. Projet de pacte universel.

³⁰ Discours et opinions, T. II, p. 285—286.

тем, что они заметили несправедливость неравенства и сделали первые шаги в борьбе с ним³¹. Революция была не преступным переворотом, совершённым мятежниками и интриганями: она имела целью реализацию принципов справедливости и равенства, предписанных нам философией и религией. Её дело не было завершено: доказательством являются лишения трудящихся и роскошь богатых. Цель революции не достигнута. У наших отцов не было достаточного понимания, чтобы полностью искоренить зло, не было достаточно сил, чтобы удержаться. Последовавшие тридцать лет реакции искалечили всё, что успела сделать революция. Надо возобновить и довершить это прекрасное тело³².

В последнем дошедшем до нас произведении д'Аржансона — в проекте его защитительной речи на процессе Общества прав человека — д'Аржансон даёт более детальную и более реалистическую характеристику французской буржуазной революции. Когда революция 1789 г., говорит он, разделалась с абсолютной властью, с феодальным режимом, она провозгласила равенство. Но равенство осталось пустым словом для большинства французов. Большинство Учредительного собрания, составленное из легистов или владельцев земли и владельцев капиталов, вложенных в торговлю и промышленность, ясно видело те злоупотребления, на которые жаловались представляемые ими классы. Многие злоупотребления были отменены. Собственность была освобождена и даже получила бесплатный дар в форме ликвидации десятины и феодальных прав. Пока Учредительное собрание шло по этому пути, оно не стеснялось нарушать то, что называется приобретёнными правами, если эти права противоречили законам вечной справедливости. Но Учредительное собрание не выполнило своего долга по отношению к большинству населения, живущему трудом своих рук. Оно должно было провозгласить права, сущность которых резюмируется в одном слове «равенство». Власть, выражающая суверенитет народа, не выполняет своего долга, если она не ставит себе целью установить равенство. Ибо закон равенства — закон вечной справедливости. Утвердив право собственности как право, предшествующее социальному договору, Учредительное собрание совершило ошибку. Признание собственности естественным правом служит прикрытием эгоизму в его сопротивлении мерам, направленным к улучшению участи тех классов, которые живут трудом своих рук, которые обрабатывают землю и защищают её³³.

В чём же должно выразиться завершение дела революции? Д'Аржансон неоднократно возвращался к этому вопросу и каждый раз подчёркивал, что речь здесь идёт отнюдь не о частичных улучшениях, вроде реформы налоговой системы, которую он подвергает столь резкой критике. Он не верит в политику постепенного преобразования путём ряда компромиссов с существующим злом. Он вообще против тактики компромисса. Когда Галилей доказал неподвижность солнца, говорит он, многие, поверив ему, не говорили об этом из страха перед инквизицией. Но никому не приходило в голову смягчать власть и внедрять постепенно истину, утверждая, что земля в зависимости от обстоятельств то вращается, то не вращается³⁴.

Завершить революцию — значит совершить полную перемену всех условий существования рабочих классов³⁵. Единственная цель, которая может оправдать революцию, — это улучшение участи граждан. А так как не существует никаких мотивов, чтобы покровительствовать одним классам или индивидам в ущерб другим, то, очевидно, в революции сле-

³¹ Discours et opinions. T. II, p. 139.

³² Ibidem, p. 312—314.

³³ Ibidem, p. 458—460; Projet de défense des accusés d'avril.

³⁴ Ibidem, p. 87.

³⁵ Ibidem, p. 257.

дуст стремиться к возможно более полному единообразию для всех граждан приходящихся на их долю трудов и наслаждений³⁶.

Д'Аржансона отнюдь не останавливает то соображение, что для достижения такого реального равенства нужно будет произвести экспроприацию. Общественное богатство состоит из совокупности индивидуальных богатств. Может ли социальное целое, спрашивает д'Аржансон, во имя равенства, не нарушая морали, распоряжаться частным богатством? Он даёт на этот вопрос недвусмысленный ответ: право общества на собственность своих членов неограничено. Если общество может потребовать для своего блага жизнь каждого из своих членов, то с ещё большим основанием может оно распоряжаться тем, что должно считаться частной собственностью, если этого потребует общее благо или если полезность такого решения признаёт прогресс социальной науки³⁷. Владение естественными ресурсами, как и всеми накопленными богатствами, есть лишь пожалование со стороны общества, и закон всегда может его отменить³⁸. Земной шар принадлежит всему человеческому роду, и никто не может претендовать на исключительное владение его частью, если на то нет свободного согласия всех³⁹. Догма справедливости и равенства, вытекающая из высшей морали, не считается с тем, что коварство и насилие наименовали приобретёнными правами⁴⁰. Д'Аржансон понимает, что радикальное изменение социальных отношений в сторону лучшего распределения социальных фондов вызовет некоторые «беспорядки». Но эти «беспорядки» для него несравненно лучше существующего «порядка»⁴¹.

Не подлежит сомнению, что основным принципом нормального общественного строя является для д'Аржансона равенство. «Вся моя политическая, моральная, я мог бы почти сказать — религиозная жизнь может быть выражена этим единственным словом — равенство, — говорил д'Аржансон в речи в палате депутатов 6 января 1834 года. — Ближайшая цель — равенство политических прав, конечная и постоянная цель — равенство социальных условий»⁴². На основе принципа равенства общество должно будет произвести глубокий, всеобъемлющий пересмотр социальных отношений (*une révision sociale profonde*)⁴³.

Представлению д'Аржансона о будущем, несомненно, присущи некоторые черты грубой уравнительности. Законным результатом революции должно быть, по его мнению, введение всех граждан без различия в реальное владение равной частью богатства, которым может располагать социальный организм, возможное нивелирование социальных условий⁴⁴. Однако иногда д'Аржансон говорит, под явным влиянием сенсимонизма, о необходимости такого справедливого распределения, при котором каждый получал бы долю продуктов, пропорциональную его труду и способностям⁴⁵.

Все эти разбросанные в произведениях д'Аржансона отдельные замечания не дают возможности полностью восстановить, к каким формам общественной организации должен, по его мнению, привести «социальный пересмотр». Вряд ли можно предполагать, что у него не было по этому вопросу определённого мнения; гораздо вероятнее, что он считал нецелесообразным это мнение высказывать. В его заметках, опубликованных

³⁶ Discours et opinions, p. 284.

³⁷ Ibidem, p. 280—281.

³⁸ Ibidem, p. 321.

³⁹ Ibidem, p. 289.

⁴⁰ Ibidem, p. 313.

⁴¹ Ibidem, p. 287.

⁴² Ibidem, p. 400—401.

⁴³ Ibidem, p. 371.

⁴⁴ Ibidem, p. 348.

⁴⁵ Ibidem, p. 276.

лишь после его смерти, намечено одно мероприятие, имеющее целью, очевидно, устранение вопиющей нужды трудящихся. Это немедленная передача каждому члену общества такой доли общественного богатства, какая необходима для сохранения его существования и удовлетворения его потребностей. Но этот частичный передел имущества характеризуется самим д'Аржансоном как первый шаг предстоящего преобразования. О дальнейших шагах д'Аржансон ничего не говорит. Точной характеристики будущего общества, как общества коммунистического, мы в его опубликованных произведениях не находим.

В первые месяцы после июльской революции д'Аржансон полагал, что необходимые социальные преобразования будут осуществлены без новых переворотов властью, вышедшей из революции. В это время он думал, что именно июльская революция призвана завершить дело, начатое революцией 1789 года. Но вскоре он понял беспочвенность своих надежд и в одном из своих более поздних выступлений открыто признал эту ошибку. Опыт политической борьбы 1830—1831 гг. научил его более трезво, более реалистически оценивать действующие в обществе силы. Вероятно, этой эволюции во взглядах д'Аржансона содействовало усилившееся в эти годы влияние на него бабувистских идей.

Почему законодатели проявляют столько заботы о владеющем классе, говорил д'Аржансон в своей уже цитированной нами речи на суде, почему они забывают о том, что нужно трудящимся? Потому что в природе человека присваивать всё, чего он может достигнуть, и останавливаться только перед силой, равной его силе. Ждать от класса, который владеет сейчас избирательным правом, чтобы он поделится с теми, за чей счёт он получает свои доходы, — значит обаякивать себя пустыми мечтами.

Итак, единственная сила, на которую теперь рассчитывает д'Аржансон, — это сам народ. Что же должен сделать народ для улучшения своего положения? Поскольку д'Аржансон понимает, что господствующие классы добровольно не откажутся от своих политических и социальных позиций, очевидно, единственным выходом из положения является для народа восстание. Мы знаем, что д'Аржансон считает законной революцию во имя улучшения положения народа. Правда, даже в самом резком из своих выступлений — в брошюре, за которую его судили, — он не призывает народ к восстанию. Однако вся его аргументация исходит из предположения о восстании. Вы пренебрегаете, обращается д'Аржансон к народу, всеми своими обязанностями по отношению к богу, к себе самим, к вашим жёнам и особенно к вашим детям, если после восстания я, сопровождающегося успехом, вы оказываетесь настолько малодушными или настолько невежественными, что ограничиваетесь требованием повышения заработной платы или улучшения тарифа. Ибо заработная плата, если она даже будет утроена, всё же не будет ещё представлять вашей доли в общественном достоянии. Более того, если вы оставите за богатыми право одним делать законы, какие бы уступки они вам ни сделали, они сумеют отобрать их у вас и даже с процентами⁴⁶.

Как видим, в приведённом отрывке речь идёт не о том, нужно или не нужно восстание, а о том, чего должен добиться народ в результате восстания, представляющегося как бы неизбежным. Восставший народ не должен, по мнению д'Аржансона, ограничиваться частичными экономическими уступками: он должен отнять у богатых политическую власть («право делать законы») и, очевидно, взять её в свои руки. Этот переход власти в руки народа д'Аржансон представляет себе, как мы знаем из других его работ, в форме установления всеобщего избирательного права. С того времени, когда в Америке были провозглашены пра-

⁴⁶ «Boutade d'un riche à sentiments populaires», p. 6.

на человека, никто, по мнению д'Аржансона, не может думать, что право политического голоса может быть ограничено. Он убеждён, что всеобщее избирательное право приведёт к тому, что будут выработаны законы, отвечающие интересам народа. Только такие законы, вотированные всеми в интересах всех, могут быть признаны действительными законами⁴⁷.

Мы не находим у д'Аржансона чётко сформулированного указания на ведущую роль рабочего класса в предстоящем перевороте. Мы вообще не находим у него попыток классовой характеристики составных частей той массы, которую он именуется обычно «народом», «трудящимися» и т. п. И всё же не подлежит сомнению, что, обращаясь к народу, он обращается в первую очередь к пролетариату, хотя этого термина и не употребляет. Ведь только к пролетариату могут относиться предостережения не органичиваться требованием повышения заработной платы или изменения тарифов. Очевидно, д'Аржансон ждёт, что именно рабочий класс будет основной силой восстания.

Правильно оценивая роль рабочего класса в политической борьбе, д'Аржансон совершенно не в состоянии понять связь политической борьбы пролетариата с его борьбой за улучшение экономических условий. Противопоставляя политическую борьбу экономической, он видит в последней лишь нецелесообразную трату сил. «Когда я вижу, — говорит он, — как народ восстаёт, чтобы потребовать «жалкого» увеличения заработной платы; как он идёт навстречу жестокостям законов, изобретённых против него аристократами, подымая, как говорят в Анжеле, мятеж четырёх су; как он организуется в Париже, чтобы заставить хозяев принуждать рабочих к труду на несколько четвертей часа меньше; как он проливает кровь в Лисье из-за жалкого улучшения тарифов, — я не могу не испытывать глубокого чувства печали и сострадания»⁴⁸.

При всём радикализме воззрений д'Аржансона его нельзя отнести к последовательным и правозверным бабувистам. В его социально-политической концепции, как она вырисовывается на основании его опубликованного литературного и ораторского наследия, имеется некоторая недоговорённость о конечной цели социального переворота.

В устной пропаганде, которую Общество прав человека вело в рабочей среде, уравниательные и социалистические тенденции выступали, повидимому, значительно резче, чем в литературных произведениях, выпускавшихся Обществом. Возможно, что отдельные представители Общества, принадлежавшие к его левым группам, далеко выходили за пределы официальной программы Общества, толкая уравнение имуществ как «искоренение буржуазии»⁴⁹. Руководители Общества, во всяком случае, таких лозунгов не давали. С другой стороны, желание привлечь на свою сторону рабочих заставляло республиканцев занять определённую позицию по отношению к их нуждам сегодняшнего дня (повышение заработной платы, сокращение рабочего времени). Высказываясь за удовлетворение этих нужд и защищая право рабочих на организацию, республиканцы не были единодушны в своём отношении к стачечной борьбе. Многие из них, как мы видели на примере д'Аржансона, не одобряли стачечной борьбы, считая, что она отвлекает от борьбы политической. Однако в Обществе, повидимому, были также люди, правильнее оценивавшие значение стачек и считавшие необходимым подчинить стачечное движение своему влиянию.

24 ноября 1833 г. Общество в разосланном обращении к секциям заявляло по поводу стачек: «Мы все приветствовали попытки рабочих улучшить своё положение и сокрушить ярмо своих хозяев-эксплуататоров». В том же году в Обществе была организована комиссия пропа-

⁴⁷ Discours et opinions. T. II, p. 370—371.

⁴⁸ «Boutade d'un riche à sentiments populaires», p. 1.

⁴⁹ Zévaès «Une révolution manquée», p. 37.

ганды, которая была тесно связана с рабочими во время подъёма стачечного движения в Париже, осенью 1833 года. Полиция считала комиссию ответственной за стачки и в начале декабря арестовала её членов, что привело, по мнению префекта полиции Жиске, к прекращению движения. Члены комиссии отрицали выдвинутое против них обвинение, но были признаны виновными и приговорены к заключению⁵⁰.

Данные об успехе пропаганды Общества прав человека среди рабочих противоречивы. Повидимому, этот успех был больше в старых промышленных центрах (Париж, Лион) и очень невелик среди индустриальных рабочих Севера⁵¹.

1834 год явился поворотным пунктом и в истории республиканской партии и в истории политического воспитания французских рабочих. Общество прав человека имело своей целью не только политическую пропаганду, но и мобилизацию сил для борьбы с июльской монархией. Полного единства представлений о методах этой борьбы в Обществе не было. Но провокационно-агрессивная политика правительства Луи-Филиппа, систематически закрывавшая все возможности легальной борьбы, неизбежно должна была дать перевес сторонникам вооружённого восстания над сторонниками легализма.

В 1834 г. восстание произошло. Непосредственным толчком к нему послужило новое движение лионских рабочих. Оно явилось как бы сигналом к выступлениям республиканцев в ряде других провинциальных городов: в Сент-Этьене, Гренобле, Марселе, Перпиньяне, Шалоне (на Сене), Пуатье, Клермон-Ферране. В Люневиле республиканцы сделали неудачную попытку поднять войска. 13 апреля вспыхнуло восстание в Париже. Но здесь правительство быстро приняло решительные меры. Влиятельнейшие деятели Общества прав человека были арестованы. Лишённое руководителей, восстание уже 14 апреля было потоплено в крови.

1834 год показал, что республиканское движение как движение революционное может получить широкий размах только там, где в нём принимают активное участие пролетарские массы. С другой стороны, он показал, что пролетариат, вступающий на путь политической борьбы, отнюдь не является покорным орудием в руках республиканских вождей, что там, где он подымается во весь рост (как это было в Лионе), он превращается в ведущую силу, способную в своём порыве зайти гораздо дальше, чем того хотели бы буржуазные республиканцы. Уроки событий 1834 г. на ряд лет сплотили буржуазию вокруг правительства июльской монархии. Они оттолкнули от республиканских организаций не только тяготеющую к ним ранее часть промышленной буржуазии, но и состоятельные мелкобуржуазные слои. Тем не менее республиканское движение продолжалось и после 1834 г., несмотря на ряд реакционных мероприятий, которые лишь загнали его в подполье. Состав тайных обществ этого нового периода по преимуществу рабочий. По сообщениям современников, в первое тайное общество, возникшее после 1834 г., — *Légions révolutionnaires* — даже неохотно принимали людей в буржуазном платье; отношение к интеллигенции было крайне настороженным. Общество исходило из того, что надеяться можно только на пролетариев⁵².

Так возникла — пусть в утрированной форме — идея самостоятельной политической организации рабочих. Начиналась новая полоса в политическом развитии французского пролетариата. В этом росте его самосознания пропаганда левых групп — Друзей народа и Общества прав человека, — несомненно, сыграла весьма значительную роль.

⁵⁰ Gisquef «Memoires», Т. III, p. 171—172.

⁵¹ Вейль «История республиканской партии», стр. 94—98.

⁵² Tchernoff. Op. cit., p. 378—380.